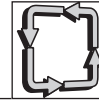

Пространственность как критерий различения конструктивистского и эйдетического подходов

А.С. ИГНАТЕНКО

Прежде всего обратимся к понятию математического платонизма, который подразделяется в статье на метафизический и эпистемологический. Возникает ощущение, что это разделение не слишком обосновано, поскольку если раскрывать содержание и того, и другого, то оказывается, что речь идет об одном и том же явлении – работе с виртуальными пространствами.

Метафизическая версия математического платонизма постулирует реальность существования математических объектов, и эта установка, по мнению Г.Б. Гутнера, подтверждается «необычайной эффективностью математики в исследовании физического мира». Под физическим миром здесь понимается мир, описанный физикой. Однако уже неоднократно замечалось (Ницше, французские прагматисты конца XIX – начала XX в., Бергсон, Делёз), что физика есть лишь способ представления окружающего мира, причем основой для такого представления, его фундаментом является пространственный характер. В той мере, в какой и математика, и физика в конечном счете сводятся к манипуляциям с пространственными сущностями, математика и физика есть одно и то же. Неудивительно поэтому, что между ними существует полная гармония. В то же время эпистемологическая версия математического платонизма не столь таинственна, как об этом высказывается автор: интеллектуальная интуиция, конституирующая математические объекты, сводится к способности выстраивать в сознании виртуальное пространство, заполнять его объектами и моделировать отношения между этими объектами, которые в конце концов также имеют пространственный характер. Именно это обстоя-

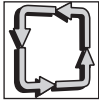

ПРОСТРАНСТВЕННОСТЬ КАК КРИТЕРИЙ РАЗЛИЧИЕНИЯ

тельство позволяет Гёделю отождествить способность интуитивно обнаруживать математические сущности «чувственному восприятию в естествознании».

Перейдем теперь к конструктивизму. Разумеется, любой конструктивизм также является геометрической процедурой и предполагает манипуляции с пространственными фигурами опять-таки по законам известного нам (евклидова) пространства. Выражение «за конечное число шагов» лишней раз подтверждает такое понимание. То, что поборник конструктивизма «Брауэр также апеллирует к интуиции (что дало название соответствующему направлению), однако называет этим словом нечто совершенно иное, чем Гёдель», что «интуиция для него – это осознание правильности элементарного конструктивного акта, состоящего в переходе от одного элемента к другому», «поскольку она не подразумевает усмотрения сущности, а скорее заключена в самом конструктивном действии» – есть всего лишь различие в формулировках. Стоит только задаться вопросом, почему элементарный конструктивный акт кажется нам правильным. А правильным он нам кажется, поскольку согласуется с базовым для нашего существования опытом пространства, которому аналогичен. Закон исключенного третьего, который у Гёделя выступает как выражение математической интуиции, с не меньшим успехом может выступать и как выражение духа конструктивизма: в своей пространственной интерпретации он может означать, например, что одно и то же место не могут занимать два различных материальных предмета или что одно и то же тело не может находиться в двух разных местах. Мы можем использовать этот базовый опыт манипуляции с предметами в пространстве а) в конструктивистском ключе, получая формулировку «элементы конструкции, схемы, системы должны располагаться последовательно и не занимать одного и того же места»; б) в духе метафизического платонизма: «существует виртуальное (идеальное) пространство, заполненное виртуальными же объектами»; в) в духе эпистемологического платонизма: «можно построить виртуальное пространство и разместить в нем некие виртуальные трехмерные фигуры, но только так, чтобы ни одна из них не занимала того же места, что и другая» (строго говоря, это для виртуальных пространств не обязательно, как и для современной науки, и нам, если мы хотим сохранить верность классической логике, приходится принудительно вводить подобное ограничение на фантазию, хотя современная наука с ним уже не считается. Этот же комментарий относится и к б)).

В связи со сказанным выше проблема субъективизма устраняется сама собой: она возникла в связи с недостаточным осознанием зависимости нашего мышления от представления и опыта пространства. В той мере, в какой человек в какой-либо форме этим опытом обладает, всякий концепт или образ, привязанный к пространству (а к пространству привязан всякий концепт или образ), интересубъективен.

Именно поэтому все в состоянии усвоить математику. Хотя выстраивать или разворачивать сознательным усилием виртуальное пространство, заполняя его виртуальными объектами, могут дети лишь начиная с определенного возраста по причинам, в которые здесь нет возможности вдаваться.

Короче, пространство и есть исходный смысл Гуссерля, основа традирования и возможности всякой науки. И поэтому совершенно справедливо заявление Гутнера о том, что переход от эйдетического к конструктивному «совершается через язык». Ведь язык, перефразируя знаменитую максиму Жака Лакана, структурирован как пространство. «Языковое выражение есть *конструкция* по определению. В нем неизбежно заложена *схема, последовательность шагов*, позволяющих вновь и вновь эту конструкцию воспроизвести». (Я выделила курсивом пространственные термины.)

Настало время вспомнить, что изначально конструктивизм был противопоставлен эйдетическому подходу. И здесь бросается в глаза одна шероховатость в рассуждениях Григория Борисовича. Дело в том, что изначально, говоря об эйдетическом подходе, он связал его не с какой-либо интуицией вообще, а с интеллектуальной интуицией, причислив себя тем самым к традиции, положенной Декартом. При этом он далее наградил эйдетический метод такими качествами, как субъективизм, психологизм, непередаваемость, невозможность воспроизведения и проверки. Но так могли рассуждать во времена Декарта! Современная философия, пережившая и отрефлексировавшая структуралистский подход, – я, разумеется, имею в виду постмодерн и прежде всего Жюль Делёза – уже обнаружила интерсубъективную основу интеллектуальной интуиции: евклидово пространство и его базовые свойства. В рамках этой же философской традиции было выдвинуто предположение, что, изменяя характеристики пространства, мы можем изменять логику и принципы нашего мышления вообще. Основой таких оптимистичных заявлений стала, как нетрудно догадаться, неклассическая физика, прежде всего теория относительности и квантовая механика. (Знаменитый закон исключенного третьего не действует в отношении, например, электрона, который может одновременно находиться в разных местах.)

Однако проблема эйдетического подхода не потеряла своей остроты. Следует лишь убрать слово «интеллектуальная» перед интуицией (поскольку интеллект, как это постулировал еще Бергсон, накрепко связан с пространством). Определенным образом эйдетическое даже связано с целостностью (как на этом настаивает Григорий Борисович), но гораздо более странным образом. Дело в том, что эта целостность принципиально неразложима, ибо носит допространственный, сверхпространственный, короче, внепространственный характер. У Делёза эта внепространственная реальность получила название интенсивности.